КУМИРЫ
Истории Великой Любви
Любовь поэтов
Серебряного века

Кумиры. Истории великой любви

Нина Щербак

Любовь поэтов Серебряного века

«Издательство АСТ»
2012

Щербак Н. Ф.

Любовь поэтов Серебряного века / Н. Ф. Щербак — «Издательство АСТ», 2012 — (Кумиры. Истории великой любви)

"…все и всегда были влюблены: если не в самом деле, то хоть уверяли себя, будто влюблены; малейшую искорку чего-то похожего на любовь раздували из всех сил", – писал о своих современниках-поэтах Владислав Ходасевич. И действительно – поэты Серебряного века жили в любви, дышали любовью. Их сложные взаимоотношения не позволяли заглушить самое важное – способность чувствовать, ощущать мир, таким противоречивым, какой он есть. Анна Ахматова и Николай Гумилев, Георгий Иванов и Ирина Одоевцева, Владимир Маяковский и Лиля Брик, Сергей Есенин и Айседора Дункан – читая эти любовные истории, в какой-то момент становится жутко от одной мысли, что человек может одновременно пережить, испытать столько неоднозначных эмоций.

© Щербак Н. Ф., 2012
© Издательство АСТ, 2012

Содержание

Серебряный век: истории любви 5
Александр Блок 6
Андрей Белый 12
Валерий Брюсов 17
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Нина Щербак
Любовь поэтов Серебряного века

Не знаю, хочешь ли ты радости,
Уста к устам, прильнуть ко мне,
Но я не знаю высшей сладости,
Как быть с тобой наедине.

Не знаю, смерть ли ты нежданная
Иль нерожденная звезда,
Но буду ждать тебя, желанная,
Я буду ждать тебя всегда.

Константин Бальмонт

Серебряный век: истории любви

Поэты Серебряного века… Кто были эти люди, большинству из которых пришлось покинуть Россию после революции? В России у них было все, а в эмиграции часто приходилось жить в бедности, страдая от внутренних метаний и реальных болезней. Несмотря на это писатели и поэты Серебряного века жили в любви, дышали любовью. Их сложные взаимоотношения не позволяли заглушить самое важное – способность чувствовать, ощущать мир таким противоречивым, какой он есть… Читая о любовных треугольниках, в какой-то момент становится жутко от одной мысли, что человек одновременно может испытать столько неоднозначных эмоций, оставаясь при этом личностью.

«Спасает ли человека культура?» – был главный вопрос и творчества, и выживания. Поэты и писатели того времени ощущали себя «последними в ряду», теми, на ком «культура» в какой-то момент «замрет». Это были герои своего времени, известные не только в узком кругу, но во всем мире. О них говорили, писали, им подражали. До сих пор личность каждого поэта, как и стихи, оживает не только в воспоминаниях, книгах и современных пьесах, но и в общем настроении, образе жизни.... Несколько «боязно» читать, а особенно писать о личной жизни. Возможно, именно о ней и стоит молчать? «Правда о чувствах» – где она? В стихах, в архивных материалах, личных письмах (сохраненных или сожженных)? Фантом… Тайна этих людей, их стихов и любви так и останется тайной, к которой возможно приблизиться не подходя вплотную…

Александр Блок
1880 – 1921
«Невозможное счастье»

«Я встретил впервые Блока весной 1907 года, в Петербурге. Высокий лоб, слегка вьющиеся волосы, прозрачные, холодноватые глаза и общий облик – юноши, пажа, поэта. Носил он низкие отложные воротнички, шею показывал открыто – и это ему шло. Стихи читал со своим оттенком, чуть гнусавя и от слушающих себя отделяя – холодком. Сам же себе туманил, как бы хмелел», – писал о поэте Александре Блоке Борис Зайцев (писатель и переводчик).

Александр Блок родился в Петербурге 16 (28) ноября 1880 года. С самого рождения его окружали бабушка, прабабушка, тетки, няни… Безграничное обожание. Друзья утверждали, что дороже матери он не знал никого: узы, соединявшие их, никогда не рвались, как и взаимная заботливость, а порой беспокойство. Для Блока отношение к каждой женщине было отголоском той «незащищенности» и юношеской нежности, которая так естественно выражалась в детском стихотворении, написанном в 5 лет:

Зая серый, зая милый,
Я тебя люблю.
Для тебя-то в огороде
Я капустку и коплю, —

а спустя годы, возможно, привело к ощущению ранимости и опустошенности.

В 1897 году Блоку исполнилось семнадцать лет, он отправился с матерью в Бад-Наугейм, водный курорт в Германии. Он был очень хорош собой, задумчив и молчалив, несколько старомоден. Ему, кстати, никогда не была свойственна любознательность, жажда знаний. Его мало увлекали чужие мысли – скорее собственные чувства. В Германии он познакомился с Ксенией Садонской, замужней красивой женщиной. В приятной обстановке светского курорта он пережил свою первую любовь. Однако юношеские стихи Блока – часто банальные, слишком мечтательные. И только к 1898 году он открыл для себя поэзию Владимира Соловьева, неразрывно связанную с образом Вечной Женственности.

Ко времени своей встречи с Любовью Менделеевой (дочерью знаменитого ученого-химика Дмитрия Ивановича Менделеева) Блок был сильно увлечен мистическими учениями. Однажды, будучи в состоянии близком к трансу, он увидел на улице ее, шедшую от Андреевской площади. Блок направился вслед за ней, стараясь оставаться незамеченным. Потом он описал эту прогулку в зашифрованном стихотворении «Пять изгибов сокровенных» – о пяти улицах Васильевского острова, по которым она шла. Потом еще одна случайная встреча – на балконе Малого театра. Для любого мистика совпадения не являются просто случайностью, они – проявление божественной воли. В ту зиму Блок бродил по Петербургу в поисках великой любви.

Реальный образ любимой девушки был им идеализирован и слился с соловьевским представлением о Вечной Женственности. Это проявилось в его произведениях, собранных потом в сборник «Стихи о Прекрасной Даме». Такое слияние земного и божественного в любви к женщине не было изобретением поэта – и до него существовали трубадуры, Данте, Петрарка, немецкий романтик Новалис. Но только Блоку удалось действительно соединиться со своей возлюбленной – и на своем опыте понять, к какой трагедии это может привести.

Сама Любовь Дмитриевна, в отличие от своего идеализированного образа, была человеком трезвым и уравновешенным. Поговаривали даже, что она была хоть и красивой, но «слиш-

ком заурядной». Она так и осталась чужда мистике и отвлеченным рассуждениям и по своему складу характера была абсолютной противоположностью мятущемуся Блоку. Когда тот пытался привить ей свои понятия о «несказанном», могла хладнокровно заметить: «Пожалуйста, без мистики!» (О любимом слове поэта не могла умолчать и известная поэтесса, умная, едкая Зинаида Гиппуис: «Хотелось притянуть „несказанное“ за уши и поставить его на землю!») В общем, Блок оказался в досадном положении: Любовь Дмитриевна, та, кого он сделал героиней своей мифологии, отказывалась от предназначенной ей роли. Так продолжалось до ноября 1902 года.

В ночь с 7 на 8 ноября курсистки устраивали в зале Дворянского собрания благотворительный бал. Любовь Дмитриевна пришла с двумя подругами, в парижском голубом платье. Как только Блок появился в зале, он, не раздумывая, направился к тому месту, где она сидела. После бала он сделал ей предложение.

В Главном здании университета на Менделеевской линии и поныне располагается небольшая университетская церковь. Здесь обручился Александр Блок. Молодой поэт с детства жил в ректорском домике, а когда решил жениться, писал прошение на имя ректора, своего дедушки: «Честь имею покорнейше просить ваше превосходительство о разрешении мне вступить в брак с Любовью Менделеевой. Студент второго курса историко-филологического факультета Александр Блок».

В январе 1904 года, через полгода после свадьбы, молодые супруги переехали в Москву. Всем они казались дружной парой. Однажды изящная юная дама и кудрявый молодой человек с «крепко стянутой талией» позвонили в дверь квартиры, где жил поэт Андрей Белый с матерью. Истинный петербуржец, светский, несколько заторможенный Блок был введен в гостиную, где, ненужно суетясь, подпрыгивая, весь изгибаясь, то вырастая, то на глазах уменьшаясь, их шумно приветствовал Белый. После целого года постоянной переписки, двух лет, в течение которых они обменивались стихами, поэты сразу же стали ближайшими друзьями, духовными «братьями». По старинному обычаю, они даже обменялись рубашками, и теперь Белый расхаживал в расшитой лебедями красивой сорочке, которую Любовь Дмитриевна вышила для мужа. Она же оказалась центром обоюдного внимания. В малейших ее поступках оба друга усматривали пророческий смысл. Была ли она сегодня в красном? Сменила ли прическу? Вообще, в Любовь Дмитриевну влюблялись все поэты, поддерживая культ Вечной Женственности и того образа, который Блок создал собственными стихами.

Андрей Белый отличался редкой непосредственностью. Просто и трезво он признавался в собственных грехах, осознавал свою главную слабость – неумение сказать «да» или «нет». А также торопился признаться Блоку в своих чувствах к Любови Дмитриевне. Атмосфера сгущалась. Гармония нарушилась, но дружба не распалась. Прошло лето. Перед отъездом Андрей Белый с бесконечными объяснениями изливал душу. Все, что мог посоветовать Блок, – поскорее покончить с влюбленностью. Так считала и Любовь Дмитриевна. Белый пообещал.

А Блоку уже было двадцать шесть лет. В его письмах, стихах, статьях сквозила постоянная тоска. Невзрачные шахматовские пейзажи, грязные перекрестки Петербурга служили щемящим фоном его новым стихам. В этом угаре он встретил другую женщину, Незнакомку, – на сей раз доступную, которую каждый мог видеть, прикасаться, любить. Блок не на шутку увлекся Натальей Волоховой, актрисой театра Мейерхольда. «Снежная маска» и «Фаина» – стихи, посвященные ей.

Блок вновь и вновь увлечен. О своих женщинах он откровенно, даже в чем-то по-детски, писал матери: «Мама… я провел необычайную ночь с очень красивой женщиной… Я же, после перипетий, очутился в 4 часа ночи в какой-то гостинице с этой женщиной, а домой вернулся в девятом». С 1906 года Блок часто посещал «субботы» в театре Комиссаржевской, а Любовь Дмитриевна получила ангажемент, выступала с частью труппы в провинции. Блок

написал «Балаганчик», свою первую пьесу, в которой Прекрасная Дама уже сделана из картона, а печальный Пьеро ждет свою Коломбину, которую отнимает у него Арлекин. Теперь Блок и Любовь Дмитриевна жили «каждый своей особой жизнью». Вечера встреч в их доме, однако, продолжались, но уже были лишены прежнего очарования. Блок часто оказывался рассеян, нередко пьян, посещения Белого его не радовали, семейная жизнь разладилась. Любовь Дмитриевна признавалась Белому, что «многое перенесла в предыдущем году, и что не знает сама, как уцелела». Блок же с горечью говорил о том, что «они перешли рубикон». Презирая старомодные условности, Любовь Дмитриевна и Наталья Волохова отлично ладили между собой, даже откровенно признавались, что они хорошие подруги. Провинциальному москвичу Белому это совершенно не нравилось, он считал, что Блок превратил свою жизнь в театр. Белый и Блок часто ссорились, 1906 – 1907 годы – время постоянных разладов и примирений, Белый однажды даже вызвал друга на дуэль, затем потребовал объяснений, чтобы простить и получить прощение.

Озерки… Озерки – один из исторических районов Петербурга и поныне, сейчас весьма благоустроенный, с одноименной станцией метро. Но в начале XX века в этом месте располагался лишь скромный дачный поселок, где не было даже железнодорожной станции. А между тем именно здесь часто прогуливался Александр Блок. Из письма поэта, написанного летом 1911 года: «Вдруг увидел афишу в Озерках: цыганский концерт. Почувствовал, что здесь – судьба… – я остался в Озерках. И действительно, они пели, бог знает что, совершенно разодрали сердце; а ночью в Петербурге под проливным дождем на платформе та цыганка, в которой, собственно, и было все дело, дала мне поцеловать руку – смуглую, с длинными пальцами – всю в броне из колючих колец. Потом я шатался на улице, приплелся мокрый в „Аквариум“, куда они поехали петь, посмотрел в глаза цыганке и поплелся домой».

И гортанные звуки
Понеслись,
Словно в серебре смуглые руки
Обвились…

Бред безумья и страсти,
Бред любви…
Невозможное счастье!
На! Лови!

В России век девятнадцатый стал веком трагических судеб, а двадцатый – веком самоубийств и преждевременных смертей. Нет среди русских поэтов спокойных лиц. Кто умер от разрыва сердца, кто от пули. Кондратий Рылеев был повешен. На пороге смерти в семидесятилетнем возрасте Афанасий Фет пытался распороть себе живот. Аполлон Григорьев погиб от нищеты и пьянства. По словам Нины Берберовы, «пьянство Блока разительно отличалось от григорьевского. Григорьев пил горькую, чтобы забыть свою бедность. У Блока же голова всегда оставалась ясной. Его разрушало не вино, а отчаяние. В его стихах, письмах, статьях, дневниках и даже фотографиях сквозит постоянно нарастающая, смертная, неотступная тоска, словно все двадцать четыре года его жизни были постоянным душевным надрывом. Смолк его смех, исчезла и улыбка».

Символизм, как и другие направления в поэзии и литературе начала XX века, создавал новую модель жизни и культуры, но «парадокс заключался в том, что эта же культура свидетельствовала о погружении века во тьму». Поэты страдали, ощущая гибель, при этом принимали гибель, как и трагическое ощущение себя «последними в ряду». По словам Блока, «был

человек – и не стало человека, осталась дрянная вялая плоть и тлеющая душонка». Возможно, это объяснялось и тем, о чем Анна Ахматова написала в стихах 1911 года «Я пришла сюда, бездельница…». «Тайномудрое безделье», грандиозное метафизическое безделье – обратная сторона поэзии. Впрочем, разве не является подобное признание себя поэтами отчаянным криком о себе самих, самоотверженно принесших себя в жертву своему искусству? Задача, которая ставилась символистами, грандиозна по своим масштабам – не только привнести новое направление в стихосложении, а изобрести систему символов, которая бы воссоздавала действительность не словами, а мифами, обращалась к религии, искала смыслы в иных сферах.

Любовь Дмитриевна все больше времени проводила на гастролях. В редкие свободные дни она приезжала в Петербург, где ее ждал муж. Он готовился, покупал цветы, «наводил порядок в своей душе». Его жена появлялась оживленная, до ночи они болтали, весело ужинали. Но иногда он ждал напрасно. «В моей жизни все время происходит что-то бесконечно тяжелое. Люба опять обманывает меня», – писал в этом время Блок. В годы ее отсутствия он часто бывал в Театре музыкальной драмы. Здесь он познакомился с Любовью Дельмас. Высокая, худощавая, с рыжими волосами, зелеными глазами, необыкновенной осанкой. Блок влюбился в нее с первого взгляда, посвятил певице «Кармен» – одну из частей третьей книги стихотворений. Эта любовь была непохожа на прежние увлечения Блока. Если с Натальей Волоховой – цыгане, безумства, музыка, разрыв (они разошлись даже не попрощавшись), то теперь вместо безумных страстей – преданная дружба, мирные прогулки, тихие вечера.

В июле 1916 года Блока призвали в армию. Километрах в десяти от фронта он командовал подразделением саперов. Затем – революция. Любовь Дмитриевна была с ним, но он по-прежнему чувствовал себя все более потерянным, стареющим. А женщины восхищались им по-прежнему. Дельмас навещала его, приятельницы, незнакомые дамы писали письма. Каждую ночь странные женские тени маячили под окнами. Но они уже мало его интересовали. «Л. Дельмас прислала Любе письмо и муку́, по случаю моих завтрашних именин. Да, личная жизнь превратилась уже в одно унижение, и это заметно, как только прерывается работа», – писал Блок.

В эпоху разрухи и смерти он в чем-то остался самим собой. По словам современников, он заставил себя услышать даже «музыку революции», а его новой дамой сердца стала уже Россия. В поэме «Двенадцать» Блок со странным рвением описывает не только солдат (которые в то время действительно маршировали по улицам, крушили, убивали, насиловали), а «ставит впереди них» все тот же «женственный призрак» – Иисуса Христа. «В белом венчике из роз – впереди – Исус Христос», – заканчивается поэма. Зинаида Гиппиус, со свойственной ей проницательностью, считала, что Блок «даже не понимал кощунства своей поэмы», «ему даже нельзя было поставить это в вину». Многие современники были настолько возмущены революционной лирикой Блока, что перестали с ним здороваться. Увидев Зинаиду Гиппиус в трамвае, Блок спросил: «Подадите ли вы мне руку?» «Лично – да. Только лично. Не общественно», – ответила она.

Были и другие мнения насчет поэмы. Борис Зайцев, например, писал:

«Появление Христа, ведущего своих двенадцать апостолов-убийц, Христа не только „в белом венчике из роз“, но и с „кровавым флагом“ – есть некоторое „да“. Можно так рассуждать: идут двенадцать разрушителей старого (и грешного), тоже грешные, в крови, загаженные. Все же их ведет – хоть и слепых – какой-то дух истины. Сами-то они погибнут, но погибнут за великое дело, за освобождение „малых сих“ – и Христос это благословляет. Он простит им кровь и убийства, как простил разбойника на кресте. Поэтому им „да“ и „да“ их делу. Чем не мысль и чем не тема для поэмы?»

Владислав Ходасевич вспоминал, как Блок присутствовал на одном из вечеров, в «Доме литераторов», где устроили чествования в память Пушкина. Речам предшествовали краткие

заявления разных организаций о том, в какой форме предполагают они в будущем отмечать Пушкинские дни. В числе делегатов явился и официальный представитель правительства, некий Кристи, по должности – заведующий так называемым академическим центром. Когда ему предоставили слово, он встал, покраснел и произнес следующее: «Русское общество не должно предполагать, будто во всем, что касается увековечения памяти Пушкина, оно не встретит препятствий со стороны рабоче-крестьянской власти». По залу пробежал смех. Блок поднял лицо и взглянул на Кристи с кривой усмешкой. Свое вдохновенное слово о Пушкине он читал последним. Ходасевич вспоминал, что на нем был черный пиджак поверх белого свитера с высоким воротничком. Весь жилистый и сухой, с обветренным красноватым лицом он был похож на рыбака. Говорил глуховатым голосом, отрубая слова, засунув руки в карманы. Повернув голову в сторону Кристи, Блок отчеканил: «Чиновники суть наша чернь, чернь вчерашнего и сегодняшнего дня». Побелевший Кристи ерзал на стуле, а перед уходом громко сказал: «Не ожидал я от Блока такой бестактности». По мнению же Ходасевича, «в устах Блока речь прозвучала не бестактностью, а глубоким трагизмом, отчасти покаянием. Автор „Двенадцати“ завещал русскому обществу и русской литературе хранить последнее пушкинское наследие – свободу, хотя бы „тайную“. И пока он говорил, чувствовалось, как рушится стена между ним и залом. В овациях, которые его провожали, была просветленная радость, которая всегда сопутствовала примирению с любимым человеком».

В своей пушкинской речи, ровно за полгода до смерти, Блок говорил: «Покой и воля. Они необходимы поэту для освобождения гармонии. Но покой и воля тоже отнимают. Не внешний покой, а творческий. И поэт умирает, потому что дышать ему больше нечем: жизнь потеряла смысл».

Блок был исключительно правдив, говорили даже, что от него «несло правдой». Окружающая жизнь была для него, по словам современников, недосказана, не закончена, непонятна. Возможно, именно поэтому он изобрел свой собственный язык, смысл которого не в словах, а «между словами или около них».

Александр Блок пользовался огромным уважением и влиянием у поэтов-современников. Сергей Есенин просил его рекомендаций в литературный мир, Георгий Иванов постоянно одалживал деньги, многие останавливался в его доме. Русские поэты боготворили его творчество.

Последние годы жизни Блока были страшными. Он тяжело болел. Как говорили современники, казалось, что ему «не хватало воздуха». Как будто после «Двенадцати» наступила тьма и пустота. В одно из выступлений (в коммунистическом Доме печати) ему прямо кричали: «Мертвец! Мертвец!» – после чего он прожил уже недолго. В августе 1921 года на Никитской, в окне Лавки писателей, появился траурный плакат: «Скончался Александр Александрович Блок. Всероссийский Союз писателей приглашает на панихиду в церкви Николы на Песках, к 2.30 часа дня». По словам Бориса Зайцева, «этот плакат глядел на юг, на солнце. На него с улицы печально взирали барышни московские».

По иронии судьбы, вернее, по божественному умыслу, наверное, имя Блока связано с самым светлым, чистым, красивым в русской поэзии. Его образ так и остался странной, загадочной, трагической тенью, какими и были его стихи.

Имя твое – птица в руке,
Имя твое – льдинка на языке,
Одно-единственное движенье губ,
Имя твое – пять букв.
Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту,

Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет так, как тебя зовут.
В легком щелканье ночных копыт
Громкое имя твое гремит.
И назовет его нам в висок
Звонко щелкающий курок.

Имя твое – ах, нельзя! —
Имя твое – поцелуй в глаза,
В нежную стужу недвижных век,
Имя твое – поцелуй в снег.
Ключевой, ледяной, голубой глоток…
С именем твоим – сон глубок.

Марина Цветаева

Андрей Белый
1880 – 1934
«Не осуди мое молчанье»

В годы эмиграции Зинаида Гиппиус вспоминала: «Удивительное это было существо, Боря Бугаев! Вечное „игранье мальчика“, скошенные глаза, танцующая походка, бурный водопад слов, на все „да-да-да“, но вечное вранье и постоянная измена. Очень при этом симпатичен и мил, надо было только знать его природу, ничему в нем не удивляться и ничем не возмущаться. Прибавлю, чтобы дорисовать его, что он обладал громадной эрудицией, которой пользовался довольно нелепо. Слово „талант“ к нему как-то мало приложимо. Но в неимоверной куче его бесконечных писаний есть кое-где проблески гениальности».

Борис Николаевич Бугаев (псевдоним Андрей Белый) – русский писатель, поэт, критик, филолог, философ, теоретик символизма. Родился в Москве в «профессорской» семье 14 (26) октября 1880 года. Отец Бугаева – выдающийся математик, в 1886 – 1891 годах декан физико-математического факультета Московского университета, основатель Московской математической школы, предвосхитивший многие идеи Константина Циолковского и русских «космистов». Мать занималась музыкой и пыталась противопоставить художественное влияние «рационализму» отца. Суть этого родительского конфликта постоянно воспроизводилась Белым в его позднейших произведениях.

Профессор Бугаев в ту пору говаривал: «Я надеюсь, что Боря выйдет лицом в мать, а умом в меня». За этими шутливыми словами скрывалась нешуточная семейная драма. Профессор был не только чудаковат, но и очень некрасив. Однажды на каком-то концерте (уже в начале 1900-х годов) Надежда Брюсова, сестра поэта, толкнув локтем Андрея Белого, спросила его: «Смотрите, какой человек! Вы не знаете, кто эта обезьяна?» «Это мой папа», – ответил он с тою любезнейшей, широчайшей улыбкой совершенного удовольствия, чуть не счастья, которою он любил отвечать на неприятные вопросы. Мать же Андрея Белого была очень хороша собой. На одном из чествований Тургенева, по воспоминаниям Владислава Ходасевича, «возле знаменитого писателя посадили московских красавиц: Екатерину Леткову и Александру Бугаеву. Они сидят рядом и на известной картине К. Е. Маковского „Боярская свадьба“, где с Александры Дмитриевны писана сама молодая, а с Екатерины Павловны – одна из дружек».

Андрей Белый боялся отца и втайне его ненавидел (недаром потенциальные или действительные преступления против отца составляют фабульную основу многих его произведений). Мать же он жалел и восторгался ею почти до чувственного восторга. Но чувства эти, сохраняя всю остроту, с годами осложнялись и вступали в противоречия с противоположными. Ненависть к отцу, смешанная с почтением к его уму, с благоговейным изумлением перед космическими пространствами и математическими абстракциями, которые вдруг через него раскрывались сыну, оборачивалась любовью. Влюбленность же в мать уживалась с нелестным представлением об ее уме.

По меткому замечанию Ходасевича, «каждое явление, попадая в семью Бугаевых, подвергалось противоположным оценкам со стороны отца и со стороны матери. Что принималось и одобрялось отцом, то отвергалось и осуждалось матерью – и наоборот».

Женщины волновали Андрея Белого гораздо сильнее, чем принято думать. «Тактика у него, – вспоминал Ходасевич, – была всегда одна и та же: он чаровал женщин своим обаянием, почти волшебным, являясь им в мистическом ореоле, заранее как бы исключающем всякую мысль о каких-либо чувственных домогательствах с его стороны. Затем он внезапно давал волю этим домогательствам, и, если женщина, пораженная неожиданностью, а иногда и оскорблен-

ная, не отвечала ему взаимностью, он приходил в бешенство. Обратно: всякий раз, как ему удавалось добиться желаемого результата, он чувствовал себя осквернённым и запятнанным и тоже приходил в бешенство. Случалось и так, что в последнюю минуту перед „падением“ ему удавалось бежать, как прекрасному Иосифу, – но тут он негодовал уже вдвое: и за то, что его соблазнили, и за то, что все-таки недособлазнили».

Андрей Белый играл в своей жизни ангела – белокурый, восторженный, голубоглазый и очень обаятельный настолько, что это можно было бы считать пороком. Но современники вспоминали, что все в его присутствии буквально озарялось. Молодая поэтесса Нина Петровская не могла его не заметить, как не мог не заметить эту яркую страстную женщину и Андрей Белый. Спустя несколько недель после знакомства любители поэзии обратили внимание на… грудь Нины. Там красовался тяжелый черный крест, висящий на деревянных четках. Такой же крест носил и Андрей Белый. «Нина, вы забираете у нас светлого гения! Вы слишком земная! – кричали ей в ухо мистически настроенные доброжелатели. – Оставьте Белого в покое!»

Андрей Белый не выдержал первым и просто перестал общаться. Ходасевич вспоминал, как Нина Петровская пострадала за то, что просто стала его возлюбленной. После разрыва она, как настоящая женщина, пыталась привлечь внимание других мужчин, и небезуспешно. Впрочем, ведомая яростным желанием отомстить «ангелоподобному», результатов она не добилась. Поэт не был склонен к ревности и совершенно не собирался идти против общественного мнения.

Через какое-то время после разрыва Андрей Белый в Политехническом музее читал лекцию по литературе. Стройный, вдохновленный, он стоял за кафедрой и вещал о самой страстной своей любви – символизме. Нина тихо открыла дверь в аудиторию, мягко и незаметно, как кошка, подошла к нему вплотную. Поэт увидел перед собой три расширенных зрачка. Два принадлежали огромным глазам его бывшей любовницы, а третий – направленному на него дулу револьвера. Нина выстрелила. Револьвер дал осечку. Впоследствии Петровская печально говорила своему другу и поэту Владиславу Ходасевичу: «Бог с ним. Ведь, по правде, я уже убила его тогда, в музее».

В 1904 году Андрей Белый познакомился с молодым поэтом Александром Блоком. Их личные и литературные судьбы оказались связаны навсегда. Александр Блок приехал в Москву с молодой женой Любовью Менделеевой, знакомой некоторым московским мистикам и уже окруженной их восторженным поклонением, в котором придавленный эротизм бурлил под соблазнительным и отчасти лицемерным покровом мистического служения Прекрасной Даме. Андрей Белый тотчас поддался общему настроению, и жена нового друга стала предметом его пристального внимания. Этому вниманию мистики покровительствовали и только раздували его. Впрочем, не нужно было и раздувать – внимание превратилось в любовь, которая, в сущности, и дала толчок к разрыву с Ниной Петровской.

Братские чувства, первоначально предложенные Андреем Белым, были приняты Любовью Менделеевой благосклонно. Тот, некогда иронизировавший по поводу женитьбы Александра Блока, теперь почти неприкрыто отождествлял Любовь Дмитриевну с Вечной Женственностью. «Вот она сидит с милой и ясной улыбкой, как будто в ней и нет ничего таинственного, как будто не ее касаются великие прозрения поэтов и мистиков», – писал он в статье «Апокалипсис в русской поэзии».

Но когда Андрей Белый, по обыкновению, от братских чувств перешел к чувствам иногда оттенка, задача его весьма затруднилась. Быть может, она оказалась бы вовсе неразрешимой, если бы не его ослепительное обаяние, которому, кажется, нельзя было не поддаться.

Их страстные отношения продолжались два года, в 1906 году Александр Блок отразил их в своей знаменитой пьесе «Балаганчик». А вот как писала о взаимоотношениях этого треугольника Нина Берберова:

«1906 – 1907 год. Бесконечная, запутанная череда ссор и примирений между Блоком и Белым. Встречи – почти всегда по настоянию Белого – были тягостными. Блок вполне владел собой: холодный, вежливый, никогда не пытаясь уязвить, он слегка высокомерным тоном говорит любезности. Белый – нервный, задыхающийся, пылавший то любовью, то ненавистью, – вызывает его на дуэль, затем требует объяснений, чтобы простить или получить прощение. Он осознает свою полную ненужность в жизни Блока и временами становится совершенно несносным, навязывая свое присутствие; Блок терпит его из жалости, сочувствуя гению, который так и не сумел осуществиться, к тому же его обезоруживает искренность Белого, который винит себя во всех грехах, готов признать любую вину, никогда не упоминая о своих многочисленных достоинствах и заслугах».

Александр Блок соглашался на эти встречи, но сам их не искал. Однажды Андрей Белый назначил ему свидание в ресторане. Тот пришел вместе с Любовью Дмитриевной. Андрей Белый был в восторге, все еще может получиться! Но через несколько дней обстановка опять накалилась. На Невском проспекте Александр Блок, погруженный в свои мысли, надменный, непроницаемый, прошел мимо, не заметив Андрея Белого. На того это подействовало как «удар по сердцу»! «Вместо души у Александра Александровича разглядел я дыру», – писал он в своих воспоминаниях. Ему хотелось навсегда бежать в Москву, и он потребовал у Любови Дмитриевны объяснений, но та лишь посмеялась над его трагическим видом.

Андрей Белый тогда так и не решился уехать. Вместо этого он начал с Александром Блоком литературную борьбу. В Москве, в брюсовских альманахах, он яростно критиковал нового Блока, но тот в ответ лишь невозмутимо улыбался.

С удивительной откровенностью в своих воспоминаниях Андрей Белый рассказывал, как всеми силами пытался развести Любовь Дмитриевну с мужем. По мнению Нины Берберовой, он перепробовал все, чтобы добиться громкого и окончательного разрыва. Но ни интриги, ни нападки, ни дерзкие письма не приносили результата. Расставшись со своей мечтой, подавленный и покинутый, Андрей Белый наконец-то отправился за границу.

Существует, правда, и другая версия событий, данная Владиславом Ходасевичем. Когда домогательства Андрея Белого были близки к тому, чтобы увенчаться успехом, неизбывная двойственностью поэта, как всегда, прорвалась наружу. Он имел безумие уверить себя самого, что его неверно и «дурно» поняли, – и то же самое объявил даме, которая, вероятно, немало выстрадала пред тем, как ответить ему согласием. Следствие отступления нетрудно себе представить. Любовью Дмитриевной овладели гнев и презрение, и она отплатила Андрею Белому, по словам Ходасевича, «стократ обиднее и больнее, чем Нина Петровская». Но тот именно и славился тем, что любил противоречия. С этого-то момента он и полюбил Любовь Дмитриевну по-настоящему, всем существом и навсегда.

За границей Андрей Белый прожил больше двух лет, за которые он создал два сборника стихов, посвященных Блоку и Менделеевой. Вернувшись в Россию, в апреле 1909 года поэт сблизился с Анной Алексеевной Тургеневой, известной как Ася. Вместе с ней в 1911 году совершил ряд путешествий по Ближнему Востоку и Северной Африке, описанных в «Путевых заметках». В 1912-м в Берлине они познакомились с Рудольфом Штейнером, основателем антропософии. Андрей Белый стал его учеником и без оглядки отдался своему ученичеству. Фактически отойдя от прежнего круга писателей, он теперь работал над прозой. Все друзья и почитатели его таланта боялись, что он теряет свою самобытность как художник, что пропадет своеобразность его красок и яркость его языка. Все это причиняло ему лишние страдания и заставляло тратить силы, чтобы доказывать обратное. Когда разразилась война 1914 года, Штейнер со своими учениками перебрались в Швейцарию, в городок Дорнах. 23 марта 1914 года в Берне между Борисом Бугаевым и Анной Тургеневой был заключен гражданский брак.

В 1916 году Андрей Белый, призванный на военную службу, кружным путем через Францию, Англию, Норвегию и Швецию прибыл в Россию. Но Ася с ним не последовала. Свое отношение к этому и состояние он отразил в стихотворении:

Асе
При прощании с ней

Лазурь бледна: глядятся в тень
Громадин каменные лики:
Из темной ночи в белый день
Сверкнут стремительные пики.

За часом час, за днями дни
Соединяют нас навеки:
Блестят очей твоих огни
В полуопущенные веки.

Последний, верный, вечный друг, —
Не осуди мое молчанье;
В нем – грусть: стыдливый в нем испуг,
Любви невыразимой знанье.

Август 1916, Дорнах

Повторный отъезд Андрея Белого за границу не был спланирован, хоть он и подумывал об этом уже с 1919 года. Поговаривали, что поэт собирался бежать, и его даже иногда спрашивали: «Скоро ли вы сбежите?!» Ходасевич считал, что Андрей Белый давно хотел уехать, но большевики его не отпускали и лишь после смерти Александра Блока и расстрела Николая Гумилёва ему в срочном порядке выдали заграничный паспорт.

Андрей Белый покинул Россию в начале сентября 1921 года. Он встретился с Асей, та предложила ему разойтись. Она решила навсегда расстаться с мужем и осталась жить в Дорнахе, посвятив себя служению делу Рудольфа Штейнера. Ее называли «антропософской монахиней». Будучи талантливой художницей, Ася сумела сохранить особый стиль иллюстраций, которыми пополнились все антропософские издания. Андрей Белый же остался совершенно один. Он посвятил Асе большое количество стихов. Ее образ можно узнать в Кате из «Серебряного голубя».

Жизнь в эмиграции не удавалась. Как вспоминал Владислав Ходасевич: «…весь русский Берлин стал любопытным и злым свидетелем его истерики. Ее видели, ей радовались, над ней насмехались слишком многие. Скажу о ней покороче. Выражалась она главным образом в пьяных танцах, которым он предавался в разных берлинских Dielen[1]. Не в том дело, что танцевал он плохо, а в том, что он танцевал страшно. В однообразную толчею фокстротов вносил он свои „вариации“ – искаженный отсвет неизменного своеобразия, которое он проявлял во всем, за что бы ни брался. Танец в его исполнении превращался в чудовищную мимодраму, порой даже и непристойную. Он приглашал незнакомых дам. Те, которые были посмелее, шли, чтобы позабавиться и позабавить своих спутников. Другие отказывались – в Берлине это почти оскорбление. Третьим запрещали мужья и отцы. То был не просто танец пьяного человека:

[1] *Diele* – танцплощадка (*нем.*).

то было, конечно, символическое попрание лучшего в самом себе, кощунство над собой, дьявольская гримаса себе самому».

Перед возвращением на родину Андрей Белый пребывал в состоянии полной невменяемости. Впрочем, по словам того же Ходасевича, это во многом диктовалось и хитростью, свойственной поэту. Боясь, что близость с эмигрантами и полуэмигрантами может быть поставлена ему в вину, он стал рвать заграничные связи. Прогнал одну девушку, которой был многим обязан. Возводил бессмысленные поклепы на своего издателя. Искал ссор и добивался их… Вернувшись в Россию в октябре 1923 года, Андрей Белый женился на Клавдии Николаевне Васильевой. Он не испытывал любовных чувств, однако держался за нее, словно за спасительницу. Тихая, покорная, заботливая Клодя, как называл ее писатель, стала 18 июля 1931 года супругой Андрея Белого. Он умер у нее на руках 8 января 1934 года в Москве.

Валерий Брюсов
1873 – 1924
«И снова ты»

Валерий Брюсов был воплощением демона в литературе и в жизни, но выглядел совершенно иначе. Владислав Ходасевич вспоминал, что впервые увидел Брюсова, когда тому было двадцать четыре года, а ему самому – одиннадцать: «Его вид поколебал мое представление о „декадентах“. Вместо голого лохмача с лиловыми волосами и зеленым носом (таковы были „декаденты“ по фельетонам „Новостей Дня“) – увидел я скромного молодого человека с короткими усиками, с бобриком на голове, в пиджаке обычнейшего покроя, в бумажном воротничке. Такие молодые люди торговали галантерейным товаром на Сретенке. Этакая смесь „декадентской экзотики с простодушнейшим мещанством“».

Родился Валерий Брюсов 1 (13) 1873 года в Москве. Жил на Цветном бульваре. В фамильном доме была у него собственная квартира, где он располагался с женой, Иоанной Матвеевной, и со свояченицей, Брониславой Рунт. Небольшой кабинет был заставлен книжными полками. Чрезвычайно внимательный к посетителям, сам не куривший в ту пору, Брюсов всегда держал на письменном столе спички. Впрочем, на всякий случай, в предупреждение рассеянности гостей, металлическая спичечница была привязана на веревочке! В этой квартире происходили знаменитые «среды», на которых творились судьбы если не всероссийского, то, во всяком случае, московского модернизма! При этом на этих собраниях разбирать стихи самого Брюсова было не принято. Они должны были приниматься как заповеди!

Чувство равенства Брюсову было совершенно чуждо. По меткому замечанию Ходасевича, на это повлияла мещанская среда, из которой поэт происходил: «Мещанин не в пример легче гнет спину, чем, например, аристократ или рабочий. За то и желание при случае унизить другого обуревает счастливого мещанина сильнее, чем рабочего или аристократа. Брюсов умел или командовать, или подчиняться». У поэта даже была примечательная манера подавать руку. Она производила странное действие. Брюсов протягивал человеку руку. Тот протягивал свою. В ту секунду, когда руки должны были соприкоснуться, Брюсов стремительно отдергивал свою назад, собирал пальцы в кулак и кулак прижимал к своему правому плечу, а сам, чуть-чуть скаля зубы, впивался глазами в повисшую в воздухе руку знакомого. Он не любил людей, потому что, прежде всего, не уважал их. Единственная женщина, к которой он действительно хорошо относился, была Зинаида Гиппиус.

В начале 1900-х Брюсов увлекался оккультизмом, спиритизмом и черной магией. Именно в это время он встретил Нину Петровскую, будущую любовницу Андрея Белого. Она не была хороша собой, но в 1903 году она была молода – и этого оказалось достаточно. Нина Петровская, по словам Ходасевича, «была истеричкой, и это, быть может, особенно привлекало Брюсова». Но то, что для нее стало средоточием жизни, для Брюсова было очередной серией «мигов». В своей книге «Некрополь» Владислав Ходасевич точно определил атмосферу эпохи того времени: «Любовь открывала для символиста или декадента прямой и кратчайший доступ к неиссякаемому кладезю эмоций. Достаточно было быть влюбленным – и человек становился обеспечен всеми предметами первой лирической необходимости: Страстью, Отчаянием, Ликованием, Безумием, Пороком, Грехом, Ненавистью… Поэтому все и всегда были влюблены: если не в самом деле, то хоть уверяли себя, будто влюблены; малейшую искорку чего-то похожего на любовь раздували из всех сил». Потому Брюсов и влюбился в Петровскую: отказаться было невозможно, так как надо было «начать переживать».

Когда все эмоции из данного увлечения были извлечены, Брюсов начал писать «Огненного Ангела», книгу, в которой он, с известной условностью, изобразил всю их историю. В романе он разрубил все узлы отношений между героями, но со смертью главной героини чувства реального человека, Нины, вовсе не иссякли. Брюсов же все чаще занимался литературными делами и заседаниями, к тому же его тянуло к домашнему очагу, ведь он был женат. Нина несколько раз пыталась прибегнуть к испытанному средству многих женщин – пробовала удержать Брюсова возбуждая ревность. Однако все было напрасно. Брюсов охладел. Она тщетно прибегала к картам, потом к вину. Наконец, в 1908 году она испробовала морфий. Затем сделала морфинистом Брюсова, и это была ее настоящая, хотя и неосознанная месть. Осенью 1909 году она чуть не умерла, а затем отправилась, как было решено, за границу, «в ссылку». Первую мировую войну Петровская пережила в Риме, в ужасающей нищете. Брюсова же она возненавидела.

В какой-то момент в жизнь Петровской вошел Андрей Белый. Тогда он был очень молод, золотокудр, голубоглаз и обаятелен. Им восхищались все, в него влюблялись, и поговаривали даже, что люди словно менялись в его присутствии. Общее восхищение, разумеется, передалось и Нине Петровской, вскоре чувство перешло во влюбленность, а потом – в любовь. Но если для Брюсова Петровская была источником переживаний, то Андрея Белого она «должна была любить во имя его мистического призвания», в которое они оба заставляли себя верить. Нина даже носила черную нить деревянных четок и большой черный крест на черном платье. Такой же крест носил и Андрей Белый.

Но ее новый избранник славился тем, что любил «чисто». Поэтому он не разлюбил, а просто «бежал от соблазна», дабы слишком земная любовь не пятнала его чистых риз. Нина Петровская же ощутила себя брошенной и оскорбленной. Весной 1905 года в маленькой аудитории Политехнического музея Андрей Белый читал лекцию. Нина Петровская подошла к нему и выстрелила из браунинга в упор. Револьвер дал осечку, и его тут же выхватили из рук.

Нина Берберова вспоминала, как впервые увидела Петровскую: «…с темным, в бородавках лицом, коротким и широким телом, грубыми руками, одетая в длинное шумящее платье с вырезом, в огромной черной шляпе со страусовым пером и букетом черных вишен, показалась очень старой и старомодной… Рената „Огненного Ангела“, любовь Брюсова, подруга Белого – нет, не такой воображала я ее себе… Когда она поцеловала меня, я почувствовала идущий от нее запах табака и водки. Она относилась ко мне с любопытством, словно хотела сказать: и бывают же на свете люди, которые живут себе так, как если бы ничего не было: ни Брюсова, ни 1911 года, ни стрельбы друг в друга, ни средневековых ведьм, ни мартелевского коньяка, в котором он когда-то с ней купал свое отчаяние, ни всей их декадентской саги. Из этого один только коньяк был сейчас доступен, но я отказывалась пить с ней коньяк, я не умела этого делать. Она приходила часто, сидела долго, пила и курила и все говорила о нем. Но Брюсов на письмо ей не ответил».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.